

Сергей БОРОВИКОВ

ВЕДЕНИЕ И ВЕДЫ

1.

Принадлежа к не слишком густому слою сравнительно просвещенных граждан, я конечно знаю по фамилиям русских архитекторов, и не только стародавних Казакова с Баженовым, но из двадцатого века конечно Шехтеля (модерн!) и далее Шусева с мавзолеем и всем на свете, ну и Жолтовского, слышал о Мельникове и даже ходил по чьему-то совету к его многооконному дому у Арбата, но не знал, что причуды советской идеологии таковы, что, вынужденно уехав из Москвы, несколько лет без видимых притеснений служил этот гений авангарда в Саратовском автодорожном институте, преподавал, участвовал в ряде конкурсов и даже избирался депутатом райсовета.

Я не слышал о службе Мельникова в моем городе, а что вообще мне о нем было известно, кроме приклеившегося определения «авангард», и что вообще такое этот пресловутый авангард, некогда бывший ругательством, а потом сделавшийся безусловным признанием высоты в искусстве, но архитектура-то еще и техническая работа многих людей и механизмов. Из формального определения архитектурного авангарда понятно, что новые технологии строительства отодвинули эстетику здания в традициях веков, и мне по душе как понятие – конструктивизм.

В детстве мне очень нравились саратовские образцы конструктивизма, дом ИТР на Некрасова, дом-коммуна на Провиантской. Там жили знакомые по фамилии Бегучевы, и образ хозяина-доктора в старорежимном пенсне совместился у меня с их двухэтажным жилищем. Там еще была фисгармония, на которой после рюмки-другой он самозабвенно играл, кажется, Шопена.

Еще комплекс Домов 8 Марта, дом на проспекте Кирова, словом, я имел наглядное понятие о конструктивизме, потом близок стал модерн, словно в пандан к литературным измам, хотя меня и коробили его бесчисленные витиеватости, цветовая крикливость витражей и асимметрия.

2.

Если оглянуться в прошлое, то вся история послеоктябрьской архитектуры зигзагообразна и непредсказуема. Но что сейчас толковать о достижениях советского конструктивизма или сталинского ампира, если еще при советской власти архитектура как таковая приказала долго жить, и т.н. зодчие были обречены на производство типовых проектов жилых хрущевек, потом девятиэтажек, административных четырехэтажек, и очень редких штучных проектов театров.

В моем любимом издании «Энциклопедия Саратовского края» (Саратов: Прив. кн. изд-во, 2002)¹ о Мельникове написал его саратовский коллега Борис Донецкий, еще см.: «Уроки Мельникова» (Годы и люди. Вып. 5. Саратов: Прив. кн. изд-во, 1990), он чуть ли не единственный, кто вообще интересуется Мельниковым.

Я не знаком с Б. Донецким, но как-то, уже давно, чересчур серьезно рассердился на его печатные фантазии о том, что реальным прототипом города Арбатова в «Золотом теленке» был Саратов, и даже разразился доказательным опровержением этой версии в статье «Краезуды»

---

¹ Отзывом на эту книгу я дебютировал в № 1 газеты «Новые времена в Саратове», которая надолго стала для меня вторым после «Волги» пристанищем.

(газета «Наша Версия», Саратов, 5 марта 2010): *«Илья Ильф и Евгений Петров и представить не могли, что спустя почти 80 лет по мотивам их произведений будет написана новая книга. И не просто книга, а “литературно-краеведческое расследование”. Именно так рекомендует назвать свое творение саратовский архитектор и краевед Борис Донецкий»* (Борис Донецкий: *«Ильф и Петров списали город Арбатова с Саратова»*. Газета «Взгляд», 27 августа 2009).

Когда в 2015 году в Саратове установили мемориальную доску в память пребывания в городе Михаила Булгакова, местные СМИ сообщали: *«Инициатором установки мемориальной доски была Общественная палата. Под присмотром ее председателя Александра Ландо по бизнесменам собирали необходимые 300 000 рублей на ее изготовление. “Палатовцы” нашли и скульптора. Также в палате и определились с местом, где доска разместится – на здании, ныне занимаемом Областной Федерацией профсоюзов. Автор мемориальной доски – скульптор Владимир Харитонов, архитектор Борис Донецкий»*.

И все вроде бы замечательно, разве что фамилия Ландо не украшает информацию, как и якобы выбор *«места, где доска разместится»*, чего, как и усилий старого проходимца, быть не могло по определению, так как это место всем, кроме Ландо, известное – здание губернской казенной палаты, во главе которой стоял действительный статский советник Николай Лаппа, старшая дочь которого Татьяна в 1913–1924 гг. была женой Булгакова.

Художественный, да что там, любой уровень исполнения памятной доски, собравшей неизбежные пошлости вроде кота, находится за пределами критики. Бориса Донецкого мы уже знаем как любителя фантазийных краеведческих сенсаций, вообще-то он член Союза архитекторов, имеющий на своем профессиональном счету мемориальные доски И.П. Ларионову, генералу И.В. Панфилову, писателю М.А. Булгакову в содружестве со скульптором В. Харитоновым. *«Донецкий вспоминает о своем коллеге как об очень необычном человеке: “Он был талантливым и крайне чувствительным. Рассказывал, что не может заходить в Саратовский союз художников, потому что там такая атмосфера: подхалимство и прочее. Когда делили помещения под мастерские, даже до драк доходило. И чтобы себя защитить, он стал качаться. Обложился гантелями. Так у него настолько руки окрепли, что, по его словам, он мог вырвать у человека кусок мяса, если вцепится в живот. Он жил на первом этаже и как-то раз услышал, как два мужика пристают к женщине. Вышел, дважды ударил голыми руками – они убралась. А потом написали на него заявление, где указали, что он бил их кастетом”*». Странная компания обозначилась в Саратове вокруг имени Булгакова, и чтобы чуть развеять мглу, надо же вспомнить, что еще в далекие 70-е годы был у нас человек, бескорыстно и годами безрезультатно добивавшийся установки мемориального знака писателю, хотя его никто и не почитал краеведом. Редкое совещание по культуре в обкоме ли, горкоме обходилось без того, чтобы не взял слово директор ДК «Россия» Ефим Нейман с тем, чтобы напомнить о долге саратовцев перед памятью Михаила Булгакова. И присутствующие чиновники, особенно из Облсовпрофа, который разместился в здании казенной палаты, вздыхали с досадой: *дался ему Булгаков!*.. В те времена писатель не входил в официальный пантеон, и тем была ценнее одержимость Неймана, которым двигала не только любовь к писателю, но и к своему городу.

А что другие архитекторы? есть же их организация, случается даже борьба за выборное место председателя Саратовского регионального отделения Союза архитекторов. Вообще с саратовскими архитекторами полная неясность. Начать хоть с того, что есть главный архитектор области, он же, точнее она, и начальник управления строительства и архитектуры, и заместитель министра строительства.

Существует и главный архитектор города, он же, точнее она, председатель комитета по архитектуре городской администрации. Разобраться, кто главнее, вероятно и можно, но докопаться, кто отвечает за то, что все видят – архитектурное убожество современного Саратова, невозможно. Сейчас, в поисках виновного в безобразной многочисленной точечности, нередко указывают на бывшего главного архитектора Владимира Вирича. Не стану ни присоединяться, ни опровергать, поскольку знаю его с младенчества. К тому же я реально не понимаю степени ответственности тех, кто сидит на этой должности, как, впрочем, и на других административных постах.

Зачем-то существует детище как бы свободных времен: «совещательно-консультативный орган при облдуме», под названием «градозащитный совет», куда иногда попадают и те, кому действительно дорог наш град, но понятие общественного настолько утратило всякую связь с однокоренным понятием «общий», что звучит пародийно.

3.

Время настало, когда, используя слова героя Зошенко, надо «симпатизировать центральным убеждениям». Собственно, оно длится с октября 1917 года, временно расцветиваясь вспышками НЭПа, войны, Оттепели, Перестройки, но всегда граждане находили в нем какие-то для себя ниши.

«С самого начала революции вся возможная в только что родившейся Республике работа могла быть разделена на три разряда.

Для всякого мирного интеллигента самая неприемлемая, так сказать, третьесортная, третьеразрядная работа была там, где нужно было активно проводить революцию, защищать ее с оружием в руках на фронтах или входить в непосредственное соприкосновение с массами, увлекать их пропагандой, вести в бой с враждебной внутренней силой.

Второй разряд – более приемлемый – был там, где содействие революции было косвенное и пассивное, когда приходилось просто исполнять (и нельзя было не исполнить) мероприятия власти, имеющие отношение к укреплению нового строя. Исполнение это было чисто механическое, не сопряженное ни с каким насилием, – следовательно, не очень противоречащее интеллигентному кодексу моральных законов. Такова была работа в большинстве советских учреждений: технических, коммунальных, банковских. <...> Так мог сказать каждый интеллигент-идеалист, работающий в такого рода учреждениях. И была работа первого разряда. <...> Такая работа была в учреждениях по охране памятников искусства и старины» (Пантелеймон Романов. Роман «Товарищ Кисляков» (1930), запрещенный в СССР, а за границей изданный под названием «Три пары шелковых чулок»).

Первый разряд вполне приложим к занятиям краеведением, которое в мое время официально поощрялось, а неофициально презиралось. Филологами за дилетантство, писателями за плохой язык, у чиновников было под подозрением из-за возможных ненужных открытий, и в краеведении шли, как правило, не слишком авторитетные историки. Активным недругам режима в краеведении виделось бегство от проблем; С.Н. Семанов, узнав, что я стал главредом «Волги», заклинал: *«Не становитесь краеведческим альманахом! Вы обязаны дать тут нечто боевое и острое... Не упустите время!» (18 сентября 1985 года).*

Краеведение по существу предполагает если не любовь, то познание, ведание этого самого края. А что с ним было и есть в Саратове?

В той же «Энциклопедии Саратовского края» есть раздел «Краеведы» (авт. Ю.Н. Сафронов), где их всего представлено 11 чел., из которых пятеро были до семнадцатого года, а из остальных двое связаны с Саратовом лишь рождением, один чистый нумизмат и одна чиновница, бывшая директором краеведческого музея. Краеведческие музеи были в каждом областном городе, и про их экспозиции немало нашучено. Школьников туда водили классами. В нашем привлекала нетленная мумия купца и истребитель Як-1, прославившийся как купленный колхозником Ферাপонтом Головатым. Длинные языки болтали, что Ферапонт столько денег выручал за свой мед, что купля самолета спасла его от ареста. (Он потом еще и Як-3 купил.) А к приезду в 1965 году Юрия Гагарина туда впахнули и Як-18, на котором первый космонавт учился летать в нашем аэроклубе. Многие экспонаты пришлось музейщикам тогда убрать...

А теперь вынужден изложить личный сюжет на тему.

Спустя какой-то срок моего назначения главным редактором «Волги» мне позвонили из музея, чтобы объявить об обязательном присутствии моего лицеизображения в их экспозиции. Вяло поспортившись, я согласился. Приходил фотограф, и спустя какое-то время мне со-

общили, да я и сам не удержался полюбопытствовать на себя за редакторским столом в зале, посвященном культуре. Ну и ладно бы, да?

А вот и нет. Шли годы, точнее, лет семь, и черт меня дернул вылезти на страницы областной газеты со статьей под многосмысленным заголовком «Асфальтовые корни» о городском, а не сельском патриотизме. Тогда, в 1992 году, пишущие люди еще пребывали под неким бесцензурным наркозом и стали писать, и я в т.ч., чересчур раскованно, даже развязно. И еще то и дело приходилось бывать на всяких совещаниях, и в статье я вспомнил, как на Совете по культуре в облисполкоме директор краеведческого Людмила Любомирова жаловалась на какой-то завод, где не желают изготовить или во всяком случае тянут с изготовлением каких-то потребных для новой экспозиции планшетов, и приглашенный заводской руководитель от нагоняя делался на глазах и впрямь красным директором. Вот с каким разнузданным комикованием я преподнес виденное: «А в другом музее, краеведческом, много лет был ремонт. Чего-то все перестраивали, влили уйму деньжищ, еженедельно совещания проводились: почему директор завода товарищ Сиськин не изготовил двести подиумов?! Товарищ Сиськин с удовольствием спалил бы музей вместе со служащими, а должен оправдываться – совещание-то проводит зампред облисполкома».

Продолжение было в звонке из музея, когда женский голос взволнованно мне сообщил, что они никак не ожидали, что я готов их спалить, и мое лицеизображение убирают вон.

Далее в статье у меня было и про два истребителя в старинном зале, из-за чего «повыкидывали наиболее несоветскую часть экспозиции – в т.ч. и пленительного купца». Цитируем себя дальше: «Когда открытие после ремонта было уже вот-вот, грянула перестройка – и привет! Кого куда? В какой зал? Кого прятать? Кого выставлять? И главное – посоветоваться не с кем. Во всяком случае, в результате выставили маленькое фото Столыпина и царей и поубавили маузеров и красных звезд, но центральное место все же занял стол Антонова-Саратовского, городского диктатора в 1917–1920 годах. То есть стол-то, конечно, не его, а у кого-то им отобранный, небось у им же и расстрелянного буржуя. Стол хорошо сохранился. И решили красивую вещь выставить, лишь забыв в познавательных целях приложить табличку: сколько смертных приговоров на том столе подписано».

И что же, конец страданиям краеведов? Новая власть, как и советская, даром что из нее и народилась, идеологически тоже не дремала. Постепенно все узнали, а в 2002 году и увидели памятник, что у долгосрочного саратовского губернатора Дмитрия Аяцкова есть незыблемый кумир – Петр Столыпин. И среди прочих неотложных надобностей требовалась всемерная пропаганда его дел и свершений. И нагрянул к музейщикам-краеведам наибольший приближенный Аяцкова, вице-губернатор Владимир Марон. И увидел Марон маленькие фотки, а приблизил лицо к стенду, прочитал там нечто о переселении насильно крестьян и даже, кажется, что-то о столыпинских галстуках. Слава Богу, не дожила Любомирова до мароновской разностной истерики, на которые он был мастер.

Вот вам, господа, и все стадии нашего краеведения от власти советской и власти наоборот, а если столь явственно и жестко грянут иные перемены, я могу лишь процитировать бессмертные строки первого Алексея Толстого: «Ходить бывает склизко по камешкам иным, итак, о том, что близко, мы лучше умолчим...».